

Введение

Раз в четыре года – во время очередного чемпионата мира по футболу – от полутора до двух миллиардов человек одновременно припадают к телевизионным экранам. Победы сборных переживаются как национальный триумф, а поражения – как национальные катастрофы. Энтузиазм болельщиков наблюдатели описывают по-разному. Для одних он представляет собой естественное проявление национальных чувств, для других – националистическую истерию. Первые отказываются связывать футбольные страсти с национализмом, вторые настаивают на том, что перед нами именно национализм, и что шовинизм – его неизбежный атрибут. Существует и третья партия, которая утверждает, что не правы ни те, ни другие. Эмоции вокруг футбола, конечно, связаны с национализмом, но национализм ни в коем случае не следует отождествлять с шовинизмом и ксенофобией.

Это размежевание весьма примечательно. Во-первых, оно высвечивает неоднозначность и деликатность феномена, с которым мы будем иметь дело на протяжении всего изложения. Во-вторых, оно демонстрирует тот факт, что сам термин «национализм» принадлежит к числу слов, по поводу контроля над значениями которых идет острая борьба.

Предмет нашего исследования – национализм как политическая идеология. Автор данной книги исходит из того, что ядро проблематики национализма лежит вне теоретической и вне эмоционально-психологической плоскости. Вопрос об истинности или ложности доктрины национализма не может быть решен, поскольку ее допущения лежат не в сфере науки, а в сфере идеологии. Если цель науки – в обретения знания, то цель идеологии – в побуждении к действию. Вместе с тем вопрос о национализме – это не вопрос о «здоровом» или «нездоровом» проявлении национальных чувств. Это вопрос об их *использовании*. Иными словами, это вопрос политической практики и вопрос идеологии как неотъемлемой части такой практики.

Национализм – одна из самых влиятельных политических идеологий новейшего времени. На протяжении более чем ста лет, с первой половины XIX по вторую половину XX века, эта идеология успешно конкурировала с либерализмом и социализмом. В период «холодной войны» национализм был оттеснен на периферию, так что стало казаться, что в недалеком будущем он окончательно сойдет с исторической сцены. Этого не произошло. Националистические идеи вновь обнаружили свой мобилизационный потенциал после 1989 года. В конце XX столетия в соответствии с базисным принципом национализма –

принципом совпадения национально-культурных и государственно-политических границ – еще раз была переключена карта мира.

У национализма два основных вектора. Один вектор указывает в сторону обретения общественного единства. Это национализм, исходящий от государства. Второй направлен против государства. Это национализм, исходящий от культурно-этнических групп, стремящихся к политическому суверенитету. В результате испанский, индийский, турецкий и грузинский национализмы наталкиваются на противодействие национализмов каталонского, сикхского, курдского и абхазского.

Таким образом, национализм – идеология, легитимирующая (оправдывающая и обосновывающая) усилия по *интеграции* или *дезинтеграции государств*. Последние не случайно называются национальными государствами. Однако этим функции национализма не исчерпываются. Национализм далеко не всегда непосредственно связан с действиями по укреплению или подрыву национальных государств. Он подпитывается чувствами и ожиданиями людей, которые ищут решение острых проблем собственного существования в национальной солидарности – в консолидации на основе общей истории, языка или культуры. Таким образом, национализм – это идеология политизированной *идентичности*.

В индустриально развитых странах Запада, наряду с культурной унификацией и распространением массовой культуры отчетливо прослеживается тенденция к культурной фрагментации. Возникает новый *запрос на различие*. Причем этот запрос заявляет о себе там, где, казалось бы, объективных оснований для его появления практически не осталось. Всплеск «черного национализма» в США случился в 1980-е после двух десятилетий усилий по интеграции чернокожего населения в американскую нацию. Движение за возрождение кельтской идентичности в Шотландии и Уэльсе активизировалось в конце 1990-х, когда внешние наблюдатели склонялись к мнению, что шотландцы и валлийцы растворились в британском культурном котле.

Еще более явный характер приобрела активизация локальной идентичности в незападном мире. Стремление удержать культурную самобытность здесь выступает как противодействие вестернизации. Это противостояние выражается то в этнических, то в конфессиональных, то и в этнических, и в конфессиональных терминах одновременно. В последнем случае возникает парадоксальный феномен – «религиозный национализм».

В высшей степени примечательно, что после 1945 года и до самого окончания холодной войны пренебрежительное отношение к национализму было распространено по обе стороны глобального идеологического противостояния. И капиталистический Запад, и социалистический Восток, первый в лице США, второй – в лице СССР, смотрели на

национализм как на явление, в моральном и политическом отношении подозрительное. Во-первых, националистические движения (даже в том случае, если они пользовались поддержкой одной из сверхдержав) несли в себе угрозу пересмотра границ, незыблемость которых была провозглашена на Потсдамской конференции. Во-вторых, националисты предлагали массам идеологические конструкты, не вписывавшиеся ни в либерально-демократический, ни в коммунистический (марксистский) канон. В идеях национального возрождения и национального единства, от Сунь Ятсена и Махатмы Ганди, от лидеров «пражской весны» 1968 года до бойцов вьетнамского сопротивления (1964-1973), от Фиделя Кастро до генерала Сукарно были заключены содержания, не вписывавшиеся ни в марксистско-ленинскую ортодоксию, ни в модель либеральной демократии.

Примечательно при этом также и то, что хотя противостояние двух социальных и идеологических систем и не воспринималось в национальных терминах, вызовы, которые бросали Москве и Вашингтону малые нации, пользовались симпатиями или антипатиями именно в качестве национальных вызовов. Так случилось с венгерским (1956) и чешским (1968) восстаниями против диктатуры Советов и с борьбой вьетнамцев с военной машиной Соединенных Штатов.

Целый ряд событий конца XX столетия не могут быть объяснены без учета национальных чувств и массовой мобилизации на основе таких чувств: объединение Германии, добровольный раздел Чехословакии на Чешскую и Словацкую республики, кровавый распад Югославии, развитие событий в государствах, возникших после роспуска СССР. Добавим сюда войну в крае Косово, преобразование того, что осталось от союзной республики Югославия, в конфедерацию (союз Сербии и Черногории), тлеющий конфликт между Пакистаном и Индией, Восточный Тимор, тридцатилетняя борьба которого за национальную независимость завершилась образованием самостоятельного государства.

Национализм приобретает новое измерение на фоне глобализации. Чем больший размах приобретают процессы детерриториализации – разрыва связи производства и обмена благами с той или иной территорией – тем более заметными становятся движения, основанные на отстаивании ценности территории. Эти движения получили в аналитической литературе имя «новый локализм». Локализм – и национализм в том числе – берет на себя задачу сохранения идентичности. На деле, однако, перед нами не столько ее сохранение, сколько рефлексивная реконструкция – сознательное производство и воспроизводство отношений, поставленных под угрозу имперсональными процессами «глобальной экономики» и «глобальной культуры». Национализм в этом контексте

предстает как попытка выработать гуманистическую альтернативу дегуманизации общественной жизни, которую несет с собой новый мировой порядок.

Большинство авторов, отвечающих на вопрос о роли национализма в сегодняшнем мире, тяготеют к одному из двух полюсов. На одном полюсе – позитивистки-номиналистское равнодушие к комплексу проблем, связанных с артикуляцией национальной идентичности. На другом полюсе – вера в то, что нации вечны, а национализм есть не что иное, как самовыражение пришедшей к самосознанию нации. Нетрудно заметить, что перед нами контрверсия двух известных из истории политической мысли парадигм: просветительского либерализма, с одной стороны, и романтического консерватизма, с другой. Для сторонников первой парадигмы национализм есть не что иное, как реакция на неудавшуюся модернизацию. Для сторонников второй парадигмы характерна мифологизация феномена нации и, как следствие, мифологизация национализма. Национализм в такой интерпретации перестает быть идеологией, обусловленной определенными социальными обстоятельствами, и выступает как момент «пробуждения» национального сознания, как поворотный пункт в «судьбе» нации и т.д. Излишне пояснять, что такое понимание национализма скорее свойственно его идеологам, чем его исследователям.

С чем ассоциировать национализм – с шовинизмом или с патриотизмом, с изоляционизмом или с разумным отстаиванием национальных интересов, с величием государственного строительства, которому противостоят этнические сепаратизмы, или со справедливой борьбой колонизированных народов против последних империй? Понятно, что у разных агентов политического действия на этот счет разные ассоциации. Понятно также, что источник конфликта этих ассоциаций лежит вне области чистой логики. Он лежит в плоскости ценностных представлений. А там, где имеет место конфликт ценностей, консенсус по поводу значения понятий в высшей степени проблематичен.

Имея дело с идеологией национализма, его исследователи не вправе забывать, что критик идеологии сам не свободен от «идеологии». Тот, кто пишет о национализме, занимает определенную мировоззренческую позицию (либеральную, консервативную, социал-демократическую и т.д.). В этом смысле его анализ «идеологичен». Вместе с тем рефлексия на собственные допущения, их «сuspендирование», т.е. приведение в подвешенное состояние – необходимы. Это то усилие, которое отличает ученого от пропагандиста, равно как отличие науки от идеологии состоит в том, что первая, по

крайней мере, в идеале, нацелена на поиск истины, тогда как вторая – на обслуживание того или иного интереса.

Автор придерживается мнения, что *национализма как такового* не существует. Существуют различные идеологические ответы на различные политические вызовы. Эти ответы с большей или меньшей степенью условности могут быть объединены под рубрику «национализм». Вот почему права В.Коротеева, предложившая следующую дефиницию: «Национализм – совокупность идеологий и политических движений, использующих в качестве символа понятие нация».¹ Однако эта дефиниция оставляет без ответа один важный вопрос. Как отличить национализм от идеологий, национализмом не являющихся? Ведь понятие нации используют в качестве символа и ненационалистические идеологии. На наш взгляд, отличие национализма от других идеологий не в том, что он использует понятие «нация» в качестве символа, а в том, *как* он использует этот символ.

На сегодняшний день идеологические партии (т.е. такие, для которых чистота идеологии является первоочередной задачей) – почти не присутствуют на политическом поле. Не исключение и партии, называемые националистическими. Их идеология на деле представляет собой своего рода коктейль, составленный из самых разных, часто не совместимых друг с другом ингредиентов. Для удобства работы с этими коктейлями мы будем пользоваться таким аналитическим инструментом как «националистический дискурс». Этот инструмент позволит нам проводить определенные - хотя и достаточно условные – линии демаркации между разными политическими акторами, а именно: между теми, кто может быть квалифицирован как «националист» и теми, к кому данная характеристика неприложима.

¹ Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999. С. 132.